



СКАЗКА О ЗАБЫТОМ ГОРОДЕ

Р. Лисс

Сказка о забытом городе.

Роберт Лисс ©, 2026

Все права защищены. Издание предназначено для личного использования. Копирование и распространение без разрешения автора запрещено

Рекомендуется для детей от 12 лет и старше

Иллюстрации: Роберт Лисс, 2026.

Корректор: Роберт Лисс, 2026.

Верстка: Роберт Лисс, 2026.

По вопросам приобретения, распространения, перевода и сотрудничества обращаться:

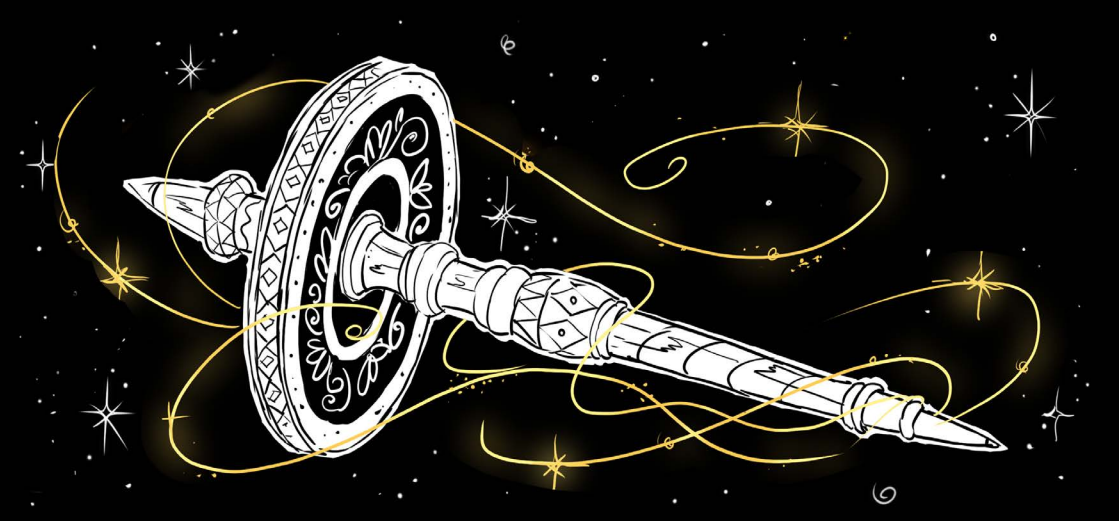
RobertLiss@yandex.ru

Сказка о забытом городе.

Роберт Лисс.

Предисловие.

Как ты думаешь, что такое память? Часть тебя, которая нужна, чтобы не совершать ошибки раз за разом? Или то, что остаётся после нас, когда мы исчезаем? А может быть, память — это электрохимические сигналы, снующие между нейронами мозга, выстроившимися в причудливые узоры? Может быть, память — это и есть ты? Говорят, что город Санкт-Петербург построен на болоте. Что под ним — трясина и тёмная вода. Что любое здание, любой мост, любой камень держится только потому, что тысячи свай вбиты в эту зыбкую почву. Но это неправда. На самом деле город держится на памяти. Каждый кирпич — это чьё-то воспоминание. Каждая улица — это чья-то жизнь. Каждый дом — это кто-то, кто здесь жил, любил, и ушёл. И есть в этом городе человек, который помнит всех. О нём и о городе, где он живёт, и будет эта сказка.



Сказка о забытом городе.

Глава 1. Темное дело.

Александр Ковров лежал на диване, закинув ноги на спинку. Безделие убивало его, и, будь он жив, он наверняка бы умер снова. На этот раз уже от скуки. Впрочем, вопрос о том, жив он или мёртв, носил диалектический характер, и ответа на него пока не находилось.

Над его головой, за стеклянным куполом, в тёмно-лазурном небе плыли лёгкие перистые облака. Его кабинет висел между небом и городом, словно застывший на морозе мыльный пузырь. Стекло­нный фонарь на крыше Дома Книги казался снаружи небольшим, но внутри магическое пространство расширялось, раскрываясь просторной библиотекой-лабораторией. Воздух здесь был густым и тихим, пропахшим старыми переплётами, деревом и пылью.

С громким вздохом Саша вскочил с дивана, заложил руки за спину и решительно зашагал вокруг рабочего

стола, уставленного самым современным оборудованием, порожденным прогрессом цивилизации. Катушка Румкорфа, готовая извергать миниатюрные молнии, соседствовала с хрупким электроскопом Липпмана; стоящий по соседству спектроскоп был завален кучами зарисовок и заметок — свидетельствами тщетных попыток понять природу необъяснимых спектральных линий. Известные химические элементы, испускавшие их, упрямо отказывались вписываться в ячейки научной классификации.

Внезапно воздух в кабинете дрогнул, обдав Сашу запахом озона. Прозрачная рябь собралась над столом в плотный, пульсирующий сгусток, рассыпающий вокруг себя искры холодного лунного света. Они сплелись в серебристый конверт, плавно опустившийся на стопку непрочитанных бумаг.

Ковров замер, наблюдая за этим явлением. «Почта» в потустороннем мире работала не без проблем. Письма часто терялись, попадая во временные карманы, или прибывали с опозданием в несколько лет. Конверт был холодным на ощупь. На нём не было ни марки, ни адреса отправителя, лишь его имя, выведенное синими, чуть мерцающими чернилами:

«Александру Коврову. Лично».

Он вскрыл его лезвием перочинного ножа. Внутри лежал лист плотной бумаги. Почерк был старомодным, округлым; буквы слегка плясали, словно автор был не в ладах с пером или же сильно нервничал.

«Многоуважаемый господин детектив!»

— Хм! — сказал Александр, подняв голову. — Но я же не детектив. Но... Что ж.



И он продолжил читать.

Пишет к вам Матрёна, призрак с третьего этажа дома номер 15, 4-й линии Васильевского острова, кв. 6. Умоляю о помощи, ибо приключилась со мной беда великая и до обидного глупая. Моя собственная тень, с коей я не разлучалась ни на миг с самой кончины моей в 1898 году, от меня отстала и сбежала! Отыскаться не могу, а без неё я и не я, и покоя не нахожу. Боюсь, как бы она без присмотра чего не натворила. Умоляю, разыщите её, цена не имеет значения (чем могу, тем и расплачусь, благо за долгий век кое-какие ценности скопила).

С надеждой на вашу доброту, Матрёна Семёновна, в девичестве Щёктова».

Александр перечитал письмо, и уголки его губ дрогнули в улыбке. Вот это работа, которая ему по душе. Помогать таким замечательным простым людям, как Матрёна. И призракам, конечно, без сомнения. Все мы граждане, имеющие равные права! И люди, и призраки, и волшебный народец. Дело о пропавшей тени. Идеально! Что это? Неизвестный физический эффект или похищение?

Он аккуратно сложил письмо, сунул его во внутренний карман пиджака рядом с колодой карт и потянулся за пальто.

«Четвёртая линия, пятнадцать ... Лучше всего подойти через карту», — пробормотал он себе под нос, мысленно выстраивая маршрут. Можно, конечно, добраться на метро — гораздо эффективнее было бы воспользоваться достижениями прогресса и домчаться на подземном поезде прямо до Васильевского острова. Но поездка в метро, особенно в час пик, обещала быть неприятной. Бесконечные толпы живых людей, проходящие сквозь

тебя, оставляющие после себя духовную эрозию, будто тебя медленно стирают ластиком. А сегодня ему понадобятся все силы.

Решено! Он взял сумку. Эту сумку было непросто раздобыть, но она того стоила. Такие вещи не покупались за пару ярких воспоминаний или отсыревших снов — только за золото, причём в обоих мирах. И если с воспоминаниями у Саши проблем не было, то с золотом всё обстояло не так замечательно. Все важные вещи, которые были ему нужны, продавались исключительно за золото или серебро. Серебро без остатка уходило на опыты и практические задачи, а золото в мире призраков было не менее редким металлом, чем в мире живых. Учитывая потраченные средства, грех было не воспользоваться таким приобретением как бездонная сумка. А что до метро, то если честно, ему просто хотелось снова попасть в город волшебного народца, даже несмотря на придирчивого городского, каждый раз проверявшего его пропуск и дотошно выяснявшего, по какой такой надобности он оказался «в неположенном месте».

Саша проверил подготовленное оборудование: модифицированный электроскоп с обсидиановыми лепестками, компактный спектроскоп с набором хрустальных призм, аккуратно упакованные фотопластинки, чувствительный магнитометр в дубовом футляре. Каждый предмет был тщательно подобран для изучения «феномена теневой субстанции» с позиций строгой науки. Последним в бездонную сумку отправился ящичек с химическими реактивами — склянки с коллоидным серебром и солями редких минералов аккуратно заняли своё место в недрах магического артефакта.

Накинув на шею длинный красный шарф и надев на плечо сумку, он распахнул тяжёлую стеклянную дверь и вышел на крышу. Ветер подхватил шарф и взъерошил

ему волосы. Держась рукой за ажурную чугунную лозу, оплетавшую опоры фонаря, и поставив ногу на голову скульптуры орла, он оглядел открывающуюся панораму. Мороз и солнце... День чудесный! Пусть магия и не поддавалась полному объяснению, но подойти к её изучению с помощью приборов и формул было делом чести для бывшего студента. И кто знает — может, именно сегодня ему удастся найти недостающее звено между миром реальным и миром чудес.

Глубоко вдохнув ледяной воздух и на мгновение сосредоточившись, он отпустил опору и шагнул в пустоту. Он, конечно, не упал и не разбился — призраки так не делают. Вместо этого он плавно, словно пушинка, спустился вниз, преодолев шесть этажей, и бесшумно приземлился прямо перед парадным входом с гордой вывеской «Компания Зингеръ». Подняв под собой небольшое облачко снежинок и отряхнув полы пальто, он ловко увернулся от парочки выходивших из здания людей. Столкновения с призраками, хоть и безопасные для живых, могли изрядно испортить настроение — и ему, и ни о чём не подозревающим прохожим.

Невский проспект был заполнен. Гудели машины, образуя вязкую, медленно движущуюся реку из блестящего на морозе металла. Туристы, крутя головами во все стороны, неловко бродили по тротуарам, то и дело сталкиваясь с идущими уверенной поступью коренными петербуржцами. Коренные петербуржцы недовольно хмыкали и обходили приезжих, создавая водовороты на тротуарах. Воздух, морозный и чистый, звенел голосами на разных языках. Колёса автомобилей гудели по асфальту. Скрип множества подошв по утрамбованному снегу разносился вокруг. Где-то вдалеке играли уличные музыканты, звуки музыки вместе с запахом кофе доносились из многочисленных кафе, их тёплые объятия манили прохожих.

В бледной лазури неба висело холодное, ослепительно яркое солнце. Его свет не грел, а лишь заливал улицы белым, театральным сиянием. Солнечные лучи играли в стёклах витрин, отражались в окнах, слепили глаза и заставляли кружащиеся в воздухе снежинки поблёскивать, словно серебряную пыль. Невский проспект всё ещё был парадной витриной имперской столицы, даже не думавшей сбрасывать свой торжественный наряд, несмотря на все прошедшие века и современную суету. Где-то вдали, над головами людей и крышами, парил золотой кораблик Адмиралтейства, безмолвный свидетель этой ежедневной круговерти.

Найдя крошечный уголок, не заполненный людьми, на углу у Казанского моста, Александр остановился. Опершись о холодный гранит парапета, он отгородился спиной от прохожих и на мгновение погрузился в созерцание. Под ним медленно плескалась чёрная вода — почти неподвижная и казавшаяся бездонной. Эта вода, тёмная, как чернила, была полной противоположностью солнечному шуму за его спиной. Она не отражала небо, а, казалось, поглощала весь свет, храня в своих глубинах тишину и покой.

Александр достал колоду старых карт. Колода блеснула серебряным рисунком в лучах холодного солнца. Лучше делать это рядом с водой. Вода — универсальный проводник. Она облегчает переход, делает его более безопасным и менее травматичным. Среди многочисленных карт, назначение которых он помнил только примерно, он нашел карту с изображением тиснёного золотом солнца. В настоящем Петербурге она всегда оказывалась «солнцем» кверху.

Посмотрев на карту пару секунд, он плавно перевернул её. Мир перевернулся вместе с картой.

Наученный горьким опытом, он уже не переворачивал



карту слишком быстро. Короткое, но сильное головокружение заставило его на мгновение закрыть глаза. Когда он их открыл, оглушительный шум города исчез. Его сменила тишина, постепенно заполняющаяся новыми звуками. Он стоял на том же мосту, но весь мир вокруг изменился. В потустороннем городе всегда была ночь. Свет от сияющих шпилей и фонарей с малиновым пламенем смешивался с зелёно-синим светом полярного сияния, переливавшегося над шпилями зданий. Переулки и подворотни тонули в темноте. Люди и машины исчезли, а вместо них проспект заполнили призраки людей из всех эпох, спешившие по своим призрачным делам. Их сапоги и туфельки цокали по чёрной брусчатке потустороннего Невского.

— Александр Сергеевич! С добрым утром! — просипел рядом голос.

Запахавшийся маленький леший, кативший перед собой тележку с волшебными мхами, остановился, упёр деревянные подпорки о мостовую и облокотился на свой товар, явно собираясь завести долгий разговор.

— И вам доброго, Афанасий Афанасьевич! — весело откликнулся Саша.

— Как же вас величать-то по батюшке? — не унимался леший, почёсывая заросший мхом бок.

— Да не помню я, Афанасий Афанасьевич. Я ведь объяснял уже. Не помню я отчества. И вообще не помню, кто я.

— Нельзя никак без отчества, никак! — покачал головой леший. — Пока не вспомните, буду вас величать Александром Сергеевичем. Уж простите меня, старого, а без имени жить нельзя. Страшно. Очень страшно. У всех должно быть имя. Мы, старые, это хорошо знаем.

— Хорошо, хорошо, пусть так, — сдался Ковров. — Как там ваш болотный гипотезис поживает?

— Зреет, батюшка, зреет! Скоро представлю отчёт!

— Прекрасно. Но, увы, сегодня задержаться не могу. Новое дело.

— О! — глаза лешего вспыхнули плохо скрываемым любопытством. — Ну что ж, мешать не буду, дело есть дело! Это я понимаю, да. Тут как не понять! Дело! Отвлекать, конечно, не буду! — Афанасий Афанасьевич прищурился, и в его старых глазах мелькнуло что-то тёплое и грустное одновременно. — Вы, люди, всегда так. Едва одно закончили — уже за другое хватаетесь. В этом ваша сила ... и ваша беда. Ну иди. Не буду мешать.

Ковров сделал жест, как будто приподнимает шляпу, прощаясь, и, прервав тираду лешего, двинулся дальше по проспекту. Предвкушение нового, пусть и несложного дела приятно волновало. В конце концов, справедливость и порядок должны царить в обоих мирах. Город вокруг постепенно проявлялся. Здесь, на главном проспекте, всегда былолюдно. Подземный город был меньше, чем настоящий Санкт-Петербург. Здания, улицы — всё было уменьшенной копией настоящего города. Хотя, по опыту, Александр знал, что это впечатление обманчиво. Почти все здания внутри были больше, чем снаружи. Некоторые намного больше. Как ещё можно было вместить призраков всех людей, что умерли здесь за все времена? Впрочем, не все они оставались здесь надолго. Многие уходили «дальше». В городе яблоку негде было упасть. В основном он был населён призраками, но и волшебный народец нашёл здесь своё пристанище.

Саша с грустной улыбкой посмотрел на витрину кондитерской, где лежали знаменитые пирожные в виде драгоценных камней. «Красный — вкус малины и богатства! Зелёный — вкус крыжовника и роскоши!» Попробовать их ему так ни разу и не удалось. Едва он переступал порог лавки, как продавец из волшебного народца куда-то бес-

следно исчезал, оставляя его наедине с соблазнительными, но недостижимыми сладостями. Даже сейчас, спустя много лет, волшебный народец держал его на расстоянии. Когда и почему это началось, он не помнил. Может быть, так было всегда? На определённой глубине воспоминания Саши начинали путаться, наслаиваться друг на друга. Их становилось слишком много, но ни одно не говорило ему, почему он оказался в таком положении. Призрак в мире живых, живой в мире мёртвых — кого же это не испугает. Что ж, может, однажды это изменится.

Размышления прервал резкий, привычный уже свисток. Некоторые вещи не меняются.

— Так, так, так! Господин Ковров! Опять без дела шатаетесь где не положено?

Позади него, как из-под земли, вырос Городовой.

— Иван Потапович, — вежливо кивнул Саша. — Всегда по делу. Вы же знаете.

— Знаю-знаю, ваши «дела», — хмыкнул в пышные усы страж порядка, доставая свой блокнот. — Всё по уставу. Во всём должен быть порядок. Без порядка — хаус и разброд.

— Порядок, который вы охраняете, Иван Потапович, — это порядок прошлого, — мягко, но настойчиво заметил Ковров. — Мир изменился. Новое время требует новых правил.

— Правила, сударь, как фундамент! — отчеканил Городовой, выпячивая грудь. — На шатком основании дом не устоит! Будь ты хоть призрак, хоть живой, хоть и то и другое одновременно — устав есть устав! Предъявите документы на нахождение в центральном квартале.

Они обменялись взглядами — много раз повторённый диалог хранителя старого режима и его могильщика. Но за этим диалогом уже не было прежней ненависти, лишь усталая, почти отеческая снисходительность со стороны

Городового и спокойная уверенность в своей правоте — со стороны Саши. Оба они, отойдя от мирской суеты, смотрели на свои бывшие распри куда мудрее.

Проверив свечение пропуска и что-то пробормотав себе под нос про «вольности», Городовой вдруг строго спросил:

— И куда путь держите на сей раз?

— К одной уважаемой даме на Четвёртой линии. Помогаю ей кое-что найти.

— По хозяйству, значит? — Иван Потапович смягчился. Что-то человеческое, житейское всегда находило в нём отклик. — Что ж... Не задерживаться! И чтобы без нарушений!

Он резко, с выученной за долгие годы службы выправкой, отдал честь и растворился в воздухе, оставив после себя лишь ощущение дисциплины, смешанное с запахом нафталина.

Ковров, наконец оставшись один, вышел на середину проспекта. Его окружали тени. Тени людей. Танцующие тени фонарей, тени невидимых хозяев лавочек и закусок. Лёгкие снежинки кружились в воздухе и вспыхивали серебряным светом.

— До Четвёртой линии, — сказал Саша, подходя к ближайшему экипажу.

Извозчик, низенький коренастый человек в тулупе и огромной шапке, из-под которой виднелся лишь крючковатый нос и седая борода, мотнул головой. Снежинки посыпались с него во все стороны.

— Садись. Только чур тебя, без политики! Знаю я таких, студентов. В прошлый раз мой букань от таких речей на неделю в спячку впал.

Александр уселся на жёсткое деревянное сиденье, и экипаж тронулся, покачиваясь на камнях брусчатки. Теперь, сидя, Ковров мог наблюдать за жизнью города

чуть пристальнее. Мимо проплывали неясные силуэты, слышались обрывки разговоров на странных наречиях; мелькавшие в окнах огни намекали на свою, скрытую от него жизнь.

Подземный Петербург тонул в вечной ночи, подсвеченной переливами северного сияния. Изумрудные, сиреневые и кроваво-красные полотнища струились по небу, отражаясь в чёрной воде каналов. Свет этот не согревал, но вместе с фонарями его было достаточно чтобы различать улицы, дома, мосты. Множество окон светились разными цветами — волшебный народец любил витражи. Мимо проплыл мост, выгнутый дугой, как спина огромного зверя. По его перилам вились чугунные лианы, увитые цветами. Фонарщик — призрак в промасленном брезентовом плаще — деловито чинил погасший фонарь, забравшись на лестницу. Заменяв кристалл он закрыл плафон, и по чёрной воде канала побежала дрожащая малиновая дорожка. Вот Гусар в парадном ментике, расшитом золотом, при сабле, с лихими усами, — идет по своим делам. Другой — в строгой военной форме, худой и прямой, с орденскими планками на груди идет ему на встречу. Они поравнялись, и оба, не сбавляя шага, одновременно приложили руку к головным уборам. Гусар — к киверу, блокадник — к фуражке. Эти призраки всегда могли найти общий язык.

Саше нравился подземный Петербург, хотя бывал он в нём нечасто. Каждый раз, стоило ему переступить границу между мирами, как появлялось это чувство, что за каждым углом может скрываться чудо. Какойнибудь неизвестный научный эффект, оптическая иллюзия или событие, которое может изменить все. Но подземный город жил своей жизнью не думая об этом, не замечая своего волшебства и своей красоты. Для его жителей, постоянно существующих внутри чуда, чудо было повседневностью.

Проезжая мимо Эрмитажа, экипаж притормозил, пропуская другую повозку. И в этот миг Саша увидел её.

Она была живым человеком — это чувствовалось сразу: по лёгкому румянцу на щеках, по облачку пара от дыхания на морозном воздухе и по той плотной, реальной ауре, совершенно чуждой местным обитателям. Как розовый, тёплый огонёк в темноте. Тёмные, почти чёрные волосы, собранные в узел, были усыпаны искорками снега. В руках она держала два старомодных кожаных чемодана, выглядевших непозволительно тяжёлыми для её хрупкой фигуры.

Она огляделась по сторонам — слегка испуганно, хотя и с любопытством, словно впервые попала в это место. Её взгляд скользнул по Коврову, нелепо высунувшемуся из повозки. На секунду задержав на нем грустный взгляд, она, решительно повернувшись, направилась ко входу.

— Кто это? — машинально спросил Саша.

Извозчик фыркнул, погоняя своего буканя.

— Не наше дело. Люди. Редко, но заглядывают. Не к нам, так к соседям. — Он мотнул головой в сторону тёмных переулков. — Не твоя забота. Сиди спокойно.

Кто она, зачем здесь? За магическими покупками? Это в другую сторону, там гостинный двор. Эрмитаж — это не то место, где ей стоило бы находиться. Может, стоит предупредить её, пока не поздно? Не все местные жители безопасны. Ночной народ — плохая кампания для живой девушки. Для них понятия «добра» и «зла» — простые абстракции. Хотя она, наверное, и сама это знает, и не просто так пошла туда. У Коврова сжались кулаки от необъяснимой детской обиды.

Вскоре впереди показался мост, перекинутый через чёрные, бездонные воды большой Невы. Мысли о незнакомке пришлось отложить. Впереди его ждала Матрёна Семёновна и её пропавшая тень.

Экипаж медленно переехал мост, и перед Александром открылся Васильевский остров — или, точнее, его потустороннее отражение. Здесь было тише и темнее, чем на Невском. Огни в окнах домов горели реже, а сами здания казались более ветхими, будто время здесь текло иначе.

— На Четвёртой линии остановишь, — сказал Ковров извозчику.

Тот лишь кивнул, не оборачиваясь. Букань фыркнул, выпустив облако пара.

Сначала — дело, потом — личные переживания. Хотя что в этой незнакомке могло быть личного? Всего лишь мимолётная встреча. Есть ли причина для переживаний? В конце концов, каждый день умирают люди. Смерть — это неотъемлемая часть жизни, не так ли?

— Приехали, — хрипло произнёс извозчик, останавливая экипаж у невысокого дома с облупившейся штукатуркой. — С тебя — один сон.

Александр кивнул, закрыл глаза и на мгновение сосредоточился. Он вспомнил запах кофе из кафе на Невском, смешанный с морозным воздухом, и ощущение лёгкой грусти, всегда сопровождавшее его в мире живых. Нечто невесомое отделилось от него и перешло к извозчику.

— Смотри, не раздавай всё подряд, — проворчал возница, трогая вожжи. — Останешься без памяти — станешь пустым местом.

Экипаж тронулся, растворяясь в тумане.

— Я их не теряю. Бесплатные поездки, бесплатные товары.

— Везёт тебе, — раздалось из удаляющейся повозки.

Воспоминаний у Саши было в достатке. Все разрозненные, как из разных жизней. К тому же, когда он плачивался ими, они не исчезали. Наверное, поэтому он не мог вспомнить свою собственную смерть.

Почти все дома в подземном городе были отражени-

ем города на поверхности. Весь подземный город был сотканным из воспоминаний отражением, менявшимся, когда на поверхности происходили изменения. Но у дома Боссе было гораздо больше этажей, чем в реальности. Постепенно искривляясь и изгибаясь, меняя стиль фасадов и количество окон, дом уходил вверх на много этажей, теряясь в темноте и переливах полярного сияния. В подземной реальности дом надстраивали из воспоминаний много раз, по видимому, обобщая в нем все похожие дома в округе. Верхние этажи, вероятно, уже не существовали или находились в пограничном состоянии, вместе со своими жильцами.

Саша думал об этом, поднимаясь по скрипучим ступеням. Мысль о том, что лестница вела вверх и вверх, на много этажей, может быть, много сотен этажей, была немного тревожной. Дом скорее походил на муравейник, чем на человеческое жилище. Неудивительно, что чья-то тень могла затеряться в бесчисленных проходах и ответвлениях.

— Вы ли это? Входите, голубчик, входите, — голос из-за двери квартиры № 6 звучал встревоженно. — Я вас заждалась.

Александр вошёл. Гостиная была точной копией мещанского быта конца позапрошлого века: канапе с облупившейся позолотой, комод с фарфоровыми безделушками под стеклом, выцветший ковёр на полу. Старый патефон, золочёная клетка со светящейся лимонно-жёлтым огоньком птичкой. Птичка взмахивала огненными крылышками и издавала мелодичное посвистывание. За круглым столом, покрытым потёртой скатертью, сидели две женщины-призрака. Перед ними стоял пузатый самовар, пыхтящий призрачным, едва тёплым паром, и две чашки с тёмной жидкостью, больше похожей на воспоминание о чае.

— Александр Ковров, — представился он, вежливо склонив голову.

— Матрёна Семёновна, — отозвалась та, что пободрее, но и в её голосе слышалась надтреснутая нота. — Сестра моя, Агафья.

— Доброго вам здоровья, Матрёна Семёновна. Рад знакомству и с вами, Агафья Семёновна. Я сейчас разложу своё оборудование, пусть оно не пугает вас. А вы пока расскажите мне, как именно вы потеряли свою тень.

Он поставил бездонную сумку на венский стул с потёртой обивкой и начал извлекать оттуда приборы. Латунные трубки и стеклянные пластины вызывающе блестя среди выцветших обоев с букетиками. Любопытно и слегка испуганно поглядывая на приборы, Матрёна приступила к рассказу.

— Да уж писала я вам, батюшка! — всплеснула руками призрачная женщина. — Сидела я прямо вот тут, чай пила. И вдруг — как гром среди ясного неба! — и чувствую, легко мне стало, словно мешок с мукой с плеч свалился. Оглянулась — а тени моей, родимой, и след простыл!

Саша кивнул, привычными движениями наладил ручной спектроскоп собственного изготовления и уже разглядывал Матрёну через него, быстро проворачивая и меняя призмы, установленные револьверным методом. В разных спектрах Матрёна выглядела по-разному. Впрочем, всё было в рамках нормы для призрака. Только в отражении призмы, покрытой серебром, тень Агафьи необычно колебалась. Присмотревшись к ней внимательнее, Саша на секунду почувствовал холодок, пробежавший по спине. Врождённая стрессовая реакция, сочетанная с фобией. Подсознание уже подсказало ему ответ. Предки человека, заплатив непомерно высокую цену, за сотни тысяч лет эволюции научились безошибочно различать

этого врага.

— И ещё, голубчик вы мой, — добавила Матрёна Семёновна, понизив голос до конспиративного шёпота, — намерен, перед тем как она сбежала, тень-то моя словно с ума сошла. Буйствовать стала! Не слушается, отстаёт, забегает вперёд, будто дразнится... А то и на мне верхом окажется, сама по себе!

— Сама по себе?

— Ну то есть поверх, как если верхом на спине у меня.

Матрёна Семёновна потупилась, и её напуская бодрость на мгновение исчезла, на бледном лице проступила усталость. Она казалась выцветшей, почти прозрачной.

— И ещё, голубчик... — прошептала она, уже без всякой энергии, — у Агафьи-то моей... то же самое произошло. Покажи ему, сестра.

Агафья, вся съжившись, подняла на Александра испуганные, запавшие глаза. Медленным, нерешительным движением, словно делая что-то постыдное, она протянула свою руку. Тёмное, маслянистое пятно, похожее на ввевшуюся грязь. И вырез, пустое место в тени, падающей на стол.

Саша задумался, постукивая карандашом по обложке блокнота.

— Если тень — это пси-материя, а не просто отсутствие света, то её исчезновение означает не аннигиляцию, а миграцию. Однако фрагментарный характер исчезновения, — он указал на тень Агафьи, — исключает самостоятельное движение. Значит, мы имеем дело с целенаправленным изъятием.

— Погодите-ка. Я не поняла. Так что ж, у меня, значит, тень-мою покрали? — всплеснула руками Матрёна, а Агафья возмущённо сжала кулаки.

— Формально — да, феномен можно предварительно

классифицировать как кражу, — кивнул Саша. — Но! Науке известны случаи паразитической абсорбции, когда некий агент, подобно грибку, потребляет ресурсы хозяина. Виной всему может быть, скажем, амебоидная или вибрионообразная форма жизни, для которой теневая субстанция является питательным субстратом.

Агафья с тихим стоном закрыла рот ладонью, её глаза округлились от ужаса. Матрёна, широко раскрыв глаза, медленно повторила:

— Амебоидная.

— Впрочем! — Саша резко поднял вверх указательный палец, демонстрируя обнадёживающую улыбку. — Нет ничего, что наука не смогла бы объяснить. А объяснив — и исправить!

Агафья и Матрёна облегчённо выдохнули. Саша захлопнул блокнот решительным щелчком.

— Итак, физические и спектральные замеры завершены. Теперь, Матрёна Семёновна, Агафья Семёновна, позвольте мне провести ещё один, последний опыт. Совершенно безболезненный. Агафья Семёновна, не могли бы вы встать вот здесь, у стены?

Пока испуганная Агафья перебиралась, Саша незаметно достал из бездонной сумки небольшой бутылёк с коллоидным серебром. Как он и ожидал, дело оказалось до обидного простым. Сложнее было завершить его так, как следует. Отвернувшись от Агафьи и Матрёны, Саша вылил на руки немного раствора и растёр в ладонях. Этого должно было быть достаточно.

— Сейчас я измерю уровень вашего светопоглощения, — соврал он, подходя к ней. — Вам нужно лишь на мгновение замереть.

Взяв в руку использованную фотопластинку, он сделал шаг навстречу Агафье. Её тень на стене неуловимо дёрнулась, казалось, она сомневалась, что ей делать.

— Вот так, прекрасно, — бормотал Саша, будто записывая наблюдения, но его взгляд был прикован не к Агафье, а к её силуэту на обоях. Он сделал ещё шаг, будто пытаясь поймать лучший угол. — И ещё чуть-чуть...

Он был в сантиметре от стены. Тень Агафьи лежала смиренно, но по её контуру пробежала мелкая, прерывистая дрожь, словно от страха.

Саша действовал молниеносно. Его рука, покрытая тончайшей плёнкой коллоидного серебра, метнулась вперёд. Он вцепился пальцами прямо в тень на стене.

Раздался оглушительный, пронзительный скрежет. Тень Агафьи вздыбилась, переставая быть плоским силуэтом. Из стены вырвалось нечто чёрное и мохнатое, размером с большую кошку. Существо, напоминающее паука-сенокосца, с бесчисленными дёргающимися лапками. Статуэтки посыпались на пол с комода. Женщины закричали от ужаса.

— Вашу тень не украли, Матрёна Семёновна! — крикнул Саша, с трудом удерживая дёргающееся существо. Оно пыталось раствориться, уйти в пол, превратившись в тень, но серебро на руках Саши создавало магический барьер, удерживая его в материальной форме. — Вашу тень съели! Это навий паук! Он притворялся вашей тенью, пока пожирал её, а потом перепрыгнул на вашу сестру! Он паразитировал на жителях вашего дома, возможно, долгие годы, и вот добрался до вас!

Женщины в ужасе прижались друг к другу. Лицо Матрёны стало мертвенно-бледным, она смотрела на существо, совсем недавно притворявшееся её тенью, с немым отвращением.

Саша, не отпуская тварь, второй рукой достал из сумки небольшой стеклянный цилиндр, наполненный сверхчувствительным эфирным гелем. Он с силой прижал его к дёргающейся туше навьего паука. Того с тоскливым

визгом втянуло внутрь.

— Золь золота в жидком стекле. Электростатическое равновесие внутри нарушается, кристаллы золота притягиваются к энергетическим линиям, формируя сверхтонкие нитевидные структуры. Эффект Тиндаля, в определённом смысле. Дикари из Северной Америки создают такие ловушки, сплетая их из нитей. Но наука позволяет сделать это гораздо эффективнее. Сейчас каждая энергетическая нить этого навьего паука скована уникальным по своей структуре лабиринтом. Единственное, что может освободить его... — Саша задумчиво посмотрел на цилиндр, слегка светящийся в темноте, — это высокая температура, растворитель или мощный заряд электрического тока. Впрочем, последнее может убить призрака. В общем, его можно освободить, разрушив структуру ловушки. Призрак может так же освободить себя сам. Но для этого ему придётся полностью изменить свою структуру. То есть стать чем-то другим. Ключ к его свободе теперь в его маленьких лапках.

В комнате воцарилась тишина. На стене, где секунду назад билось чудовище, теперь лежала лишь бледная, едва заметная, но правильная тень Агафы. Рядом с Матрёной не было ничего.

Она беспомощно посмотрела на пустое место на зацветших обоях, куда падал свет от лампы.

— Значит... моей... совсем нет? — прошептала она, и её голос дрогнул.

— Нет, — мягко, но твёрдо подтвердил Саша, протирая руки платком. — Вернее, есть, но она почти неразличима. Вам предстоит долгое восстановление. Вы ослаблены до предела.

Матрёна, шатаясь, подошла к комоду. Её движения были медленными, будто она тащила на себе невидимый груз.

— Голубчик вы наш ... Александр ... батюшка ... — её голос был безжизненным. — Вы нас от окончательной гибели спасли. Мы и не чувствовали, как он нас поедом ел ...

Она открыла потайной ящичек, задумалась на секунду и достала оттуда маленький предмет, похожий на веретёнце, обвитое тусклой золотой нитью.

— Возьмите. Мне кажется, оно должно быть у вас. Мне кажется, я должна передать это вам.

— Откуда оно у вас? — спросил он.

Матрёна замялась.

— Честно говоря, я не помню. Кажется утром его тут еще не было. Но я чувствую что оно должно быть у вас.

Саша взял артефакт, чувствуя его тягучую энергетику.

Он вышел на улицу, вдыхая воздух, что в потустороннем Петербурге всегда был прохладен. Здесь не знали ни палящего зноя, ни лютого холода — лишь вечную прохладу забвения, изредка согреваемую отблесками тёплого огня воспоминаний. Саша на мгновение задумался о пути домой, и рука сама потянулась к колоде. Его пальцы нашли «Луну» — в городе волшебного народца эта карта всегда оказывалась тёмной стороной вверх.

Может, боялся снова увидеть ту девушку. А может — испытывал необъяснимый страх её не увидеть. Мысль была нелепой, и он отогнал её, напомнив себе, что он взрослый человек и призрак, чьи личные драмы остались в прошлом веке.

Мир перевернулся с тихим, ледяным вздохом. Изумрудные отсветы сияния сменились красноватой темнотой зимнего питерского неба, а прохладу сменил колючий ветер, пробивавшийся сквозь швы пальто. Одна станция в почти пустом вагоне, залитом белым светом люминесцентных ламп. Он сидел, наблюдая в тёмном стекле за своим отражением — бледным лицом призрака в царстве

живых. Живого — в царстве мёртвых.

В своей лаборатории под стеклянным куполом он на мгновение замер, закрывая дверь. Грусть, старая знакомая, накатила вновь. Цилиндр с навьим пауком он отправил на полку, в коллекцию, где тот занял своё место среди прочей пойманной нечисти.

Веретено же, подержав в руках и ощутив его странное, живое тепло, сунул во внутренний карман пиджака.

Потом он лёг спать, но сон его был тревожен и не принёс ни забвения, ни отдыха. В бесконечно зацикленной сонной руминации ему виделось, что его руки превращаются в нити, распадаясь и исчезая в темноте.



Глава 2. Призрачный оркестр.

Александр Ковров лежал на диване и смотрел на серые облака, проплывавшие над стеклянным куполом в медленном адажио. Облака размеренно летели по небу, стёкла в потолке тихо позвякивали на ветру. «Как огромный аквариум, — подумал он. — А я в нём рыба». Сегодня небо было пасмурным, как будто город накрыли свинцовой крышкой. На улице потеплело, и, как обычно бывает в Северной Пальмире, кратковременная солнечная погода сменилась серой хмарью, принёсшей с собой не дождь, а зыбкую сырость, пронизывающую всё насквозь.

С громким вздохом он поднялся, ощущая лёгкую одеревенелость — не мышечную усталость, а некое онемение духа, знакомое всякому, кто застревал в такую погоду где-то между вчера и сегодня. Первым делом — порядок. Порядок в быту — порядок в голове!

Он подошёл к стеклянной стене и упёрся ладонями в стекло. Город внизу тонул в сером мареве. Крыши мокли, фасады теряли объём, и даже золотой кораблик на шпигеле Адмиралтейства казался потускневшим. «Скупая северная красота, — подумал он. — Попробуй тут быть

бодрым и полным сил».

Он взял метлу и двинулся вдоль рядов стеллажей. И вместе с просыпающейся от его забот лабораторией начало улучшаться и его настроение. Тряпка скользила по корешкам фолиантов, соседствующих с приборами. Вот массивный «Трактат о Навьих Сущностях» в кожаном переплёте. Он лежал вплотную к усовершенствованному магнитометру в дубовом футляре. А «Основы Спектрального Анализа» подпирали ящик с фотопластинками, чувствительными к магическому излучению. Он смахнул пыль с глобусов — не только земного, но и небесного, и самого необычного, третьего, на чью картографическую сетку были нанесены узлы магической силы подземного Петербурга, тонкие серебряные нити, сходящиеся к шпилям и куполам, закручивающиеся в ленту Мёбиуса. Отдельная реальность, замкнутая в самой себе. Попытка нанести её на глобус была смелой идеей, впрочем, получилось по-дурацки. Пространство, существующее в другом мире, не могло быть изображено в этом.

Подойдя к старому дубовому комоду, он поворошил кипу бумаг, лежавшую на нём неорганизованной горой. «Корпускулярно-волновые свойства призрачной материи», «Влияние лунных фаз на интенсивность призрачных проявлений», «Спектральный анализ вампирской ауры» ... Его взгляд задержался на последней папке. Что-то кольнуло его в сердце, холодный укол старой неприязни.

Вампиры. Упыри. Как их ни называй, а с ними он, по возможности, предпочитал не иметь никаких дел. Подземный Петербург, в отличие от своего реального, земного оригинала, был куда более консервативен, застрял где-то в позапрошлом веке, словно доисторический жук в куске янтаря. Там общественно-политический строй не

менялся столетиями, застыв в неподвижной, окаменевшей форме. Глава города, хоть и избирался призраками и пёстрым волшебным народцем, во многом оставался лишь марионеткой в руках старой элиты, состоявшей из представителей ночного народа — вампиров. Основанная на страхе, грубой силе и несметном богатстве, их власть казалась незыблемой, как гранитные набережные Невы. Для Александра Коврова, революционера, они были чем-то гораздо более отвратительным и знакомым. Гнев, кольнул его как игла в сердце. Самая настоящая, вылитая аристократия, только вместо гербовых грамот и придворных чинов у них — клыки и вековая жажда. Та же паразитическая сущность, тот же принцип «мы имеем право, потому что мы сильнее». Они — воплощение того старого мира, против которого он когда-то боролся, мира, который, как оказалось, не сгинул в огне революций, а просто ушёл в тень, сменил декорации. И теперь они пировали в ночи, по-прежнему пожирая тех, кто слабее. И не важно, что они делают это, щедро платя жертвам или их родне золотом. Горькая усмешка искажала его губы. Впрочем, что он мог сделать в одиночку? Впрочем, всё это осталось далеко позади. Впрочем. Да много было причин.

Его размышления прервал звук перехода, заполнивший комнату нарастающим тремоло. Воздух в центре комнаты затрещал, и из него выпал, кувыряясь, растерянный мужской силуэт в старомодном фраке. Призрак, едва не распавшись от волнения, но сумевший собраться обратно, отряхнулся, со страхом огляделся вокруг, поправил несуществующий галстук и, заметив Сашу, бросился к нему.

— Реальный мир! Ох, не место мне здесь! Господин Ковров! Александр Сергеевич! Умоляю, вы должны помочь! Катастрофа!

Саша вежливо отступил на шаг, жестом приглашая призрака на диван. Тот был полупрозрачным, и сквозь его фрак просвечивал шкаф с реагентами.

— Успокойтесь, коллега, — мягко сказал Ковров. — Сделайте вдох. Ну, вы понимаете.

— Вдох?! — взвизгнул призрак, с театральным отчаянием хватая себя за грудь. — Я понимаю иронию ситуации, но не надо шуток! У меня и без того дыхание перехватывает от ужаса! Сегодня наш маэстро, Михаил Иванович, не явился на выступление! Мы ждали, волновались... И когда открыли ноты... — он сделал паузу для драматического эффекта, — они были абсолютно пусты! Чистые листы! Ни ноты, ни знака!

Саша нахмурился. Дело казалось неопасным, но заковыристым.

— Что же, по-вашему, могло произойти?

— Что угодно! — всплеснул руками капельмейстер. — Это заговор! Преступление! Без музыки наш вечерний концерт не состоится! А вы ведь понимаете, что это значит?

Ковров понимал. Музыка в потустороннем Петербурге была не просто развлечением. Она структурировала хаос, задавала ритм, и в этом ритме пульсировала магическая энергия города. Оркестр был не просто коллективом музыкантов — он был живым камертоном, настраивавшим пространство вокруг. Без него воспоминания путались, и призрачный народ терял ощущение порядка.

— В тишине тьма сгущается, — тихо произнёс Саша, глядя в окно на мерцающие огни города. — Я понимаю. Где в последний раз видели маэстро?

— Вчера вечером, после концерта. Он говорил, что хочет прогуляться, подышать. По набережной Крюкова канала. Больше его никто не видел.

«Набережная. Водные пути, отражения, русалки, кла-

ка, театральные склоки...» — мысленно проговорил Саша.

— Всё! — Призрак взмахнул рукой в прощальном жесте. — Больше не могу здесь находиться! Жду вас в Мариинском театре сегодня же!

— Хорошо, — кивнул Ковров. — Дайте мне немного времени на подготовку, и я буду у вас.

Капельмейстер чуть не заплакал от облегчения.

— О, благодетель! Спаситель! Мы вам вечно благодарны будем!

— Вечность — это слишком долго, — с лёгкой улыбкой ответил Ковров.

— Мне ли не знать! — воскликнул призрак и с треском, похожим на разряд электричества, схлопнулся, уйдя в свою реальность.

Всем известно, что театральные склоки бывают особенно жестокими. А творческие люди — особенно изобретательными в своей ненависти. С другой стороны, набережные каналов всегда вызывают подозрения. Проклятие или склоки. Вот в чём вопрос.

Собравшись с мыслями и снарядив свою бездонную сумку парой инструментов на случай, если дело примет неожиданный оборот, Александр направился к Мариинскому театру. В такой пасмурный денёк прогулка пешком вдоль канала Грибоедова могла бы привести к простуде. По счастью, простуда ему не грозила, по крайней мере, в этом мире.

Саша распахнул дверь, и холодный сырой ветер, словно давно поджидавший его, ворвался в помещение, разметав бумаги на столе. Подхваченные сквозняком, они закружились в воздухе, прежде чем улечься в новых, неожиданных местах. Порядок, но без фанатизма. Саша втянул носом прохладный тяжёлый воздух, пахнувший мокрым камнем и дождём. Такую погоду он любил тоже.

«Питерская погода, — подумал он, застёгивая пальто. — Главное, чтобы не унесло в канал».

Он шагнул с крыши вниз. Ветер подхватил его, потянул за алый шарф и унёс через Невский, мягко опустив у подножия статуи Кутузова. Приземлившись и пробежав по инерции ещё несколько метров, Саша поднял воротник и посмотрел на бронзового фельдмаршала. Статуя величественно повернула свою тяжёлую голову и медленно кивнула ему. Саша слегка поклонился и жестом приподнял невидимую шляпу. Статуя снова замерла, направив свой вечный взгляд и фельдмаршальский жезл в направлении великого прошлого, видимо, вспоминая о победах над французами.

Он двинулся вдоль Крюкова канала. Вода в канале была чёрной и неподвижной, как обсидиан, только мелкая рябь на поверхности говорила, что это всё-таки вода. Из-под Львиного моста доносилось тихое, печальное пение — русалки. Вода принесла голоса напрямую из их мира. Он никогда не видел их, да и не стремился: их мелодия была полной противоположностью той стройной, научной гармонии, что он искал, — это была музыка, размывавшая берега реальности. Смешивавшая и без того разрозненные воспоминания в его голове. Не один раз он пытался разложить их по полочкам, но это казалось невозможным. Воспоминаний было столько, что они, казалось, должны были принадлежать сотне человек, а не одному. И все эти воспоминания были подлинными. Как они оказались у него в голове и какие из них были его собственными, он не знал. Пение русалок не делало картину яснее.

После короткой прогулки по набережной он свернул на Театральную площадь. Перед ним возникло знакомое здание Мариинского театра. Саша замедлил шаг, достал из кармана колоду и вытащил карту с изображением солн-

ца. Зажав её между пальцев, он на мгновение задержал взгляд на фасаде здания, а затем плавно перевернул карту. Момент перехода он увидеть не мог, как ни старался. Всегда одно и то же — лишь ощущение, будто мир делает кувырок, как подброшенная в воздух монетка. Воздух на миг становился гуще, звуки приглушались, короткое головокружение, а затем...

Здание выросло. Расправило каменные плечи, явив свою истинную суть. Этажей стало больше — верхние ярусы купались в переливах полярного сияния, стекавшего с крыши сине-зелёными отсветами. К оформленному Шрётером в большом ордере фасаду присоединились новые элементы, а на карнизах крыши появились замершие в вечном танце новые, незнакомые гротескные статуи — музы, сатиры, играющие на скрипках, ангелы с трагическими масками вместо лиц. Всё вместе неизбежно объединялось в стиле, который кто-то мог бы презрительно назвать постмодернизмом, но здесь было что-то большее. Истинными архитекторами этого собора искусств стали сами зрители — бесчисленные призраки, сделавшие Мариинский театр не просто зданием, а отдельным миром. Ведь именно из их воспоминаний он и был построен.

Оглянувшись вокруг — не маячит ли поблизости знакомая фигура с бляхой и свистком, — Саша быстрым, решительным шагом направился к массивным дубовым дверям. Стоящий у резной двери привратник в зелёной ливрее бесшумно распрямился. Он вытянул вперёд необычно длинную руку, состоящую из чёрного, блестящего песка, преграждая дорогу.

— Все выступления отменены. Сезон закрыт.

Его голос был похож на шелест бумаги.

— Меня ждут. Александр Ковров.

Поблёскивающие в темноте глаза привратника сузились, в них мелькнуло что-то вроде понимания.

— Вас ждут, — прошелестел он в ответ, и его длинная рука плавно опустилась. Массивная дверь безоткрылась издав лязгающий звук. Саша взбежал по мраморным ступеням, отполированным шагами бесчисленных посетителей. Звук его шагов улетел куда-то вверх, где хрустальные люстры в несколько ярусов тускло светили малиновым огнём, и затем вернулся к нему эхом. Слева и справа начинался настоящий лабиринт, разобраться в переплетениях которого, могли лишь искушённые театралы. Без сопровождения соваться в эту запутанную систему залов и лестниц, ведущих на разные ярусы, было бы опрометчиво даже для призрака. Впрочем, искать долго не пришлось. Из оркестровой ямы доносились крики.

— Нет! Нет! Нет! Это надо играть не так! Здесь должен быть маркато! Слышите? Мар-ка-то!

Голос сорвался на фальцет, и в наступившей на мгновение тишине было слышно, как кто-то из оркестрантов нервно переворачивает страницу.

— Здесь не было маркато. Я всегда играл так!

— Так я вам говорю, что было!

— Так поучите меня смычок держать!

— Мирон, кто ты такой, чтобы так мне отвечать?

— Давайте мы будем относиться друг к другу с уважением.

— Давайте вы не будете учить меня.

— Вы не можете так со мною обращаться. Я великий скрипач.

— Мирон. Если я сейчас выйду на улицу и спрошу, знает ли кто-нибудь тебя, что мне ответят?

— Это не важно, — раздражённо ответил Мирон.

«Похоже, допрашивать никого не придётся, — на мгновение подумал Саша. — Они сами всё расскажут».

Оркестровая яма кипела, как адский котёл. Музыканты, точнее, то, что от них осталось — бледные, полупро-

зрачные тени, — не играли, а яростно ругались. Их голоса, зыбкие и дребезжащие, сливались в пронзительный диссонанс.

— Нет! Нет! Здесь должен быть маркато! Слышите? Мар-ка-то! — дирижёр, совсем потерявший человеческий облик и больше похожий на размазанное пятно отчаяния, хрипел, размахивая руками.

— Так я вам говорю, что было легато! — упрямо парировал призрак скрипача, обнимая свой инструмент, прозрачный настолько, что сквозь него уже просвечивала стена.

— Да вы смычок-то держать не умеете, Мирон!

— А вы нотной грамоты не знаете!

Один из музыкантов позади уронил свой инструмент, затем встал с места и, задумчиво посмотрев в никуда, рассыпался на тысячи стеклянных осколков.

На сцене, в декорациях к несостоявшемуся спектаклю, сидели актёры. Они просто уныло смотрели в пустоту, их костюмы медленно выцветали, а сами они становились всё более прозрачными. Дирижёр в отчаянье схватился за голову и упёрся в стенку оркестровой ямы.

— Всё погибло.

Ещё один из музыкантов рассыпался стеклянной пылью. Редкие зрители начали исчезать, превращаясь в лёгкие, чуть светящиеся облака. Видимо, музыка была единственным, что ещё удерживало их в этом мире.

В тишине, под звон бьющегося стекла, из ближайшей бенуарной ложи донёсся ясный, холодный и полный самодовольства голос.

— Да, погибло. И должно было погибнуть! Где теперь ваш «гений народного духа»? — язвительно, растягивая слова, говорил импозантный господин в безупречном фраке. — Исчез, как дым. Как и должно было случиться с этой грубой, мужицкой музыкой.

Дама, сидевшая рядом с ним, скорчив брезгливую гримасу, подхватила:

— Да, да! Эти ужасные хоры... эта нарочитая «народность»... Это же оскорбление вкуса. Настоящее искусство — это утончённость, это лёгкость, это Беллини, это Россини!

Третий, молодой человек с высокомерным и пустым лицом, оперся о перила и начал говорить:

— Да, возможно, моя речь покажется вам слишком театральной! Но это потому что театр — моя жизнь! Вся жизнь — театр! Я сам жёг ноты. Чтобы получилось, достаточно просто верить. Я, с прекрасно высокомерным лицом, стоял у камина. За спиной, в полумраке, замерли мои сообщники. Я держал в руках стопку нот — последнюю оркестровую партитуру «Руслана и Людмилы». Не спеша, с наслаждением, я разрывал каждый лист на четыре части и бросал в огонь. Пламя было странным: оно вспыхивало синим, лиловым, потом багровым, и каждый сгоревший лист издавал тихий, умирающий звон — будто лопались струны невидимых инструментов. Когда последний клочок обратился в пепел, из камина вырвался порыв холодного ветра, и по всему театру пробежала дрожь — люстры закачались, занавес на сцене колыхнулся, будто его коснулась невидимая рука. А в оркестровой яме вдруг стало тихо: скрипачи опустили смычки, не понимая, почему больше не могут извлечь ни звука. Мы сожгли саму идею нот. Да, может быть, я перестарался. Признаться, я сам не ожидал такого результата! Но оно того стоило! На самом деле мы лишь помогли забвению свершить свой долг, сожгли последние ноты прямо здесь, в его логове. У нас получилось, потому что мы имеем на это право. Нас знает весь город. Наше слово, наше мнение — закон. Мы — те, кто формирует вкус. Одно наше негативное высказывание в салоне может похоронить

карьеру. Ноты сгорели без следа! А вместе с ними сгорел и Он! Без памяти Он — ничто. Свинство должно знать своё место — в небытии.

Саша был поражён. Вот эта мелкая, снобистская ненависть и стала причиной всему. Зло оказалось не страшным и могучим драконом, а сборищем идиотов? Зло бывает и таким?

В этот миг воздух в ложе сгустился и потемнел. Из тени, переливаясь чёрным песком, словно из ниоткуда, возник привратник. Он был высок, темен и страшен.

Трое в ложе обернулись. Надменные улыбки мгновенно сползли с их лиц.

Он протянул к ним свою длинную руку, превратившуюся в поток песка.

— Отныне вам воспрещён вход в театр. Навечно, — прокричал голос, похожий на скрежетание тысяч песчинок. — Ибо вы оскорбили не память, а само Искусство.

Привратник растаял в вихре песка, с воем унося три искажённые маски ужаса в неизвестном направлении. В креслах осталась лишь горсть чёрного песка.

Саша устало сел на одно из кресел в партере. Две старушки рядом тихо переговаривались между собой.

— О да, это ещё что! Вот в прошлый раз она не смогла распустить ей волосы! Выдёргивала, выдёргивала шпильки, а не смогла! Она так и танцевала до конца акта с заколотыми волосами! Вот это был скандал!

Старушки скрипуче захихикали, потом закашлялись.

Это бессмысленно. Склоки, ненависть, высокомерие. Никто из них не руководствуется логикой или жаждой наживы. Их мотивы невозможно понять. Кажется, они и сами не понимают, почему ненавидят друг друга. Собрать их всех в одном помещении, а потом торжественно объявить, кто убийца? Убийца дворецкий? Да они сами всё сделали.

Возникший из ниоткуда капельмейстер сел рядом.

— Похоже, ваши услуги нам не понадобятся. Моя труппа исчезает, — прошептал он, не глядя на Сашу. — Ни одной ноты. Никто не помнит ни одной ноты, нигде не осталось ни одной записанной ноты. Маэстро исчез вместе с нотами. Кто-то уходит сам, кто-то распадается. Ещё немного — и у меня останется квартет. Потом трио... А потом этого аллегро аджитато останется только тишина.

И вдруг Сашу осенило. Ноты исчезли, но они исчезли только здесь, в подземном городе! В мире живых, в реальном Петербурге, их можно найти где угодно — в каждой музыкальной школе, в книжных магазинах. Они лежат прямо под его лабораторией, в Доме Книги!

— ... Потом дуэт, — печально продолжал капельмейстер. — Потом соло.

— Ждите! — Саша вскочил с кресла.

Капельмейстер посмотрел на него мутным, ничего не выражающим взглядом и безнадежно махнул рукой. Саша выбежал из зала, пробежал фойе и выскочил на площадь. Он лихорадочно доставал колоду, когда рядом раздался резкий, знакомый свисток.

— Нет времени!

Саша перевернул карту, успев подумать лишь одно: «У меня будут проблемы».

Бегом до Дома Книги. Саша, не сбавляя шага, проскочил в дверь, протиснувшись между дверным косяком и выходящим из магазина покупателем. Тот вздрогнул и выронил пакет с покупками. Ряды стеллажей. Вот она! Музыкальная литература. Его взгляд упал на стеллаж. Там, среди прочих, лежала она — волшебная опера «Руслан и Людмила» М. И. Глинки в полной оркестровой партитуре под редакцией К. Бильбоа.

Он протянул руку, но пальцы лишь бессильно сомкну-

лись в воздухе. А чего он, собственно, ожидал? А? Он не мог взять её. Он не мог даже перелистнуть страницу.

Как отправить её в подземный город? Нужен кто-то, кто может путешествовать между мирами, оставаясь живым. Вампиры? Нет уж, увольте. Люди? Такие люди есть.

Перед мысленным взором Саши снова появился образ девушки с искорками снега в волосах. Он мотнул головой.

Товары из подземного города постоянно попадают в настоящий, и наоборот. Контрабанда!

Нет, на это нет времени. Оркестр исчезает с каждой секундой.

Вампиры, люди, призраки... Волшебный народец! Афанасий Афанасьевич!

Саша выскочил прямо из окна второго этажа, на лету доставая колоду карт. Стекло задребезжало, но выдержало.

Карта «Солнце». Ещё один переворот. Мир закружился. Саша, теряя равновесие, упал на одно колено и затряс головой, пытаясь очистить сознание. Где же леший, когда он так нужен? Он затравленно огляделся, сжимая в руке карту, повёрнутую серебряной луной вверх. Потусторонний город жил своей размеренной, призрачной жизнью. Фонари горели медленными всполохами красноватого огня, отражаясь в каменных стенах зданий. Тени, одетые в костюмы разных эпох, неспешно двигались по своим делам. Вот офицер с побрякивающей при каждом шаге саблей. Вот дама в старомодном платье. В отчаянии Саша прошёлся по мосту туда и обратно, вглядываясь в каждую фигуру.

— Кхе-кхе.

За его спиной появился запыхавшийся леший, подтачивая свою тележку, доверху заполненную волшебными мхами.

— Афанасий Афанасьевич!